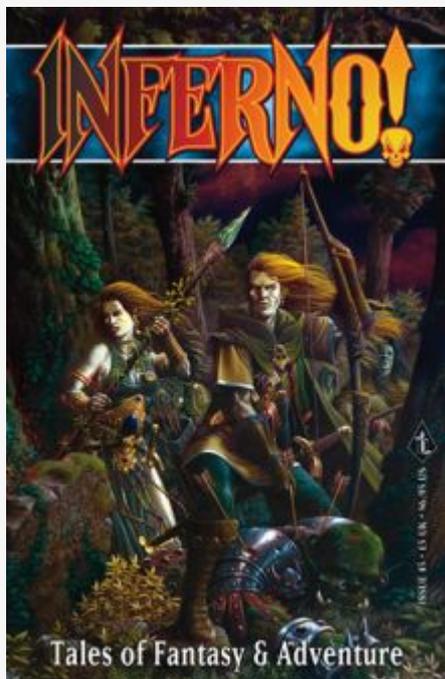


Раттенкриг / Rattenkrieg (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Раттенкриг / Rattenkrieg (рассказ)



Автор	Роберт Эрл / Robert Earl
Переводчик	трерук
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Истории Старого Света / Tales of the Old World (сборник) Бесконечная война / War Unending (сборник)
Источник	Inferno! #45
Год издания	2004
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Снова раздалось царапание. Фреда, свернувшись калачиком, лежала в темноте. Пропитанная холодным потом ночная рубашка приклеилась к её дрожащему телу. При свете дня она казалась такой симпатичной, эта ночнушка. Фреда выбрала её из-за вышитого по краям кроличьего узора. Но сейчас, когда зверьков не было видно в темноте, сорочка лежала на ней, будто погребальный саван.

На пальцах девочки уже появились синяки, но она продолжала кусать их, словно крыса, глодающая кость. Даже когда её острые зубки прокусили кожу, и тёплая, горькая, пахнущая медью кровь, потекла ей в рот, Фреда не могла остановиться.

Сегодня ночью нужно было волноваться не о синяках и царапинах, а о более жутких вещах.

Скованная гнетущим страхом, Фреда изо всех сил пыталась вспомнить слова молитвы, любой, которая помогла бы остановить царапание. Но тщетно. Она только и могла думать о том, что скрывалось в шкафу, и как далеко сейчас папа.

Затем звук исчез. Всё стихло, прошла секунда, ещё с десятков, потом ещё. Фреда затаила дыхание, желая, чтобы тишина продолжалась подольше. Наконец, она ощутила первый проблеск надежды и вынула пальцы изо рта. С решимостью, которой хватило бы рыцарю, чтобы войти в логово дракона, она медленно высунулась из-под одеял и взглянула на шкаф.

Что-то громко ударило по двери изнутри.

Пронзительно взвизгнув, Фреда спрыгнула с кровати и, выбежав из комнаты, помчалась вниз по лестнице. Её пятки грохотали по половицам, как барабанщик, отбивающий сигнал к отступлению, и от этого шума она бежала только быстрее. Кролики с ночной рубашки предательски цепляли её за пятки.

- Папа! - закричала она, вбегая в небольшой коридор, ведущий к кабинету отца. - Папочка!

Она распахнула тяжёлую деревянную дверь и ворвалась внутрь. Служанка Магретта, сидевшая на коленях отца Фреды, зарделась и спорхнула со своего насеста. Отец и сам, казалось, немного покраснел.

Может быть, они разом подхватили простуду, не важно. Фреде просто хотелось побыть с папочкой, и она буквально запрыгнула в его объятия.

- Что случилось? - спросил отец.

В его голосе причудливо сочетались одновременно злость, смущение и забота.

- Кошмары?

Он погладил её по голове и почувствовал, что копна красивых золотистых волос слиплась от пота во влажные патлы, напоминающие крысиные хвосты.

- Чего дрожишь?

- Опять эта штука в шкафу, - захныкала Фреда, прильнув к отцу.

Тот бросил взгляд на Магретту и пожал плечами.

- Ох, - вздохнул он, - что ж, пойдём и посмотрим.

- Нет!

- Тебе просто почудилось.

Поморщившись от натуги, он поднял девочку на руки, прихватил со стола фонарь и понёс дочь обратно наверх. Фреда росла не по дням, а по часам, да и сам он был уже не молод, но та не заметила, каких усилий стоил ему подъём по лестнице. С лицом осуждённого, которого ведут к виселице, она пристально всматривалась в каждую тень.

- Гляди, - сказал отец и поднял фонарь, чтобы добраться до теней, прячущихся за комом одеял. - Никаких чудовищ.

- В шкафу, - прошептала она, перелезая ему за спину.

Крякнув, отец поставил дочь на пол, подошёл к двойным дверям из красного дерева и с театральным жестом распахнул их. Сплошная стена платьев, за ними задняя стенка из камфарного лавра. Отец задумался на секунду, не раздвинуть ли ему одежду и притвориться, что обнаружил что-то за ней, хотя нет, после такой шутки Фреду придётся долго успокаивать, а внизу ждёт Магретта, и он отказался от этой затеи.

- Вот, видишь? - сказал он. - Здесь только одежда. Миленькая одежда для очень миленькой девочки. Ещё, может быть, мышки, но ты ведь уже слишком большая, чтобы бояться мышей, так?

Фреда нерешительно кивнула.

- Вот и славно. Теперь, прыгай в кровать. Я оставлю тебе лампу, а попозже Магретта придёт тебя проведать.

- А сейчас она не останется?

- Нет, она, эмм, занята.

С коротким вздохом, Фреда забралась обратно в постель. Теперь ей хотя бы оставили свет. Отец наклонился и поцеловал дочку в лоб, бакенбарды защекотали ей кожу, затем он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, а девочка натянула одеяло по самый подбородок.

Та штука в шкафу подождала, пока отец вернётся в кабинет, и снова принялась скрестись. Звук был негромкий, но настойчивый, как пульсирующая боль в гнилом зубе, но на этот раз Фреда решила бороться со своим страхом. В этом ей помогала лампа. Хотя папа и притушил её немного, она всё равно разливала по комнате мягкий, тёплый свет, который словно не давал шуму разгуляться.

- Просто мыши, - шепнула себе Фреда, когда царапанье сменилось громким треском.

- Кыш! - громко сказала она, и к преогромному её облегчению звуки затихли.

- Ты просто мышь, - победоносно объявила она шкафу.

Девочка высунула голову из-под покрывала, словно лучник прицеливающийся в кого-то с крепостной стены. Ничто не нарушало долгожданной, восхитительной тишины, и чувство триумфа всё больше охватывало Фреду.

Она ещё немного посмаковала свою победу и начала засыпать. Почти жалко, что распугала мышей. Они такие милые и смешные. И папа всегда радовался, что она их не боится. Не то что глупая Магретта, которая постоянно визжит и запрыгивает на кресла, стоит им появиться. Может, завтра вечером оставить на полу немного сыра и посмотреть...

Дверь шкафа неслышно распахнулась. У Фреды перехватило дыхание.

- Папочка, наверное, не запер её, - сказала она себе. - Просто не задвинул щеколду...

Но прежде чем она успела додумать эту мысль, из шкафа повалили чудовища. Не одно, не два, а целая дюжина. Они разом набросились и облепили Фреду, их грязная шерсть царапала её нежную кожу,

иззубренные когти, словно железные пружины крысоловок, сдавливали ей руки и ноги. Почти обезумевшая от ужаса девочка открыла рот, чтобы закричать, чтобы вытолкнуть из себя парализовавший её страх, но в тот же момент испачканная чем-то склизким лапа заткнула ей рот. От запаха гнилого мяса тошнота подступила к горлу, тем временем чудовища принялись связывать её ремнями из грубой кожи, и она начала задыхаться.

Всё это время на столе горела лампа, свет был ровным, спокойным. Монстры не подняли ни шума, ни малейшего ветерка. Только хвосты, словно плети, беспокойно дёргались над их извивающимися телами.

Через мгновение всё было кончено, и они уползли так же тихо, как и пришли – через дыру, которую так долго и старательно прогрызали в задней стенке Фрединога шкафа.

Так что, когда через несколько часов Магретта зашла проведать девочку, всё, что осталось от неё – лишь изодранная ночная рубашка. Разорванный пополам кролик.

Святылище было таким старым, что казалось, будто оно выросло само. Столетиями жаркое летнее солнце и зимние вьюги стёсывали углы каменной кладки, отчего гранитное основание стало гладким и невыразительным, словно отполированный водой булыжник.

За века алтарь настолько оброс плющом, что зелёная поросль походила уже на окладистую бороду, в шелестящей гуще которой расплодилось многочисленное птичье семейство, а также прочие существа, проводящие всю свою жизнь среди листвы. Давным-давно кто-то из жрецов пытался очистить стены, должно быть, из страха, что тех, кого он поклялся защищать, может побеспокоить беспрестанный птичий перезвон.

Нынешний хранитель этих заблуждений не разделял. Мёртвые были мертвы, и, чтобы потревожить их сон, потребуется что-нибудь погромче парочки расшириравшихся воробьёв.

Ко всему он любил смотреть на порхающих по кладбищу птах, некоторые из которых доверчиво садились к нему на согнутые плечи во время работы и, вытянув вверх головки, смотрели, как он рубит сучья, таскает воду или выкашивает траву, которая высовывала свои зелёные пальцы меж жмущихся к алтарю могил.

Они и впрямь были тесно расположены, эти могилы, жались к древнему сооружению, как ягнята к своей матери. Ягнята, напуганные запахом волка. Необычное сравнение, однако, по мнению хранителя, очень меткое. В диких чащах за оградой кладбища было полно тех, кто желал поработить мертвецов. Под натиском этих мерзких тварей рушились крепости и гибли цари, целые армии исчезали, а крепкие стены превращались в пыль.

Всё погибало, но алтарь оставался невредим, аккуратно подстриженные кусты вокруг него стояли нетронуты. В конце концов, – могущественный бог.

Хранитель довольно усмехнулся и решил, что на сегодня поработал достаточно. Он разогнулся, помассировал костлявыми пальцами натруженную спину и удалился к себе в келью. Он оставил там косу и взял кувшин воды, корку хлеба и пригоршню мелких сморщенных яблок.

Сидя на могильной плите, старик ел и наблюдал, как над лесом заходит солнце. Он любовался закатом, грыз яблоки и крошил хлеб слетевшимся птицам. В лучах заходящего солнца хохолки на их головах ярко светились, а тени были отчётливо резки. Жрец снова улыбнулся.

Несмотря на всю боль и страдания, этот мир был прекрасным местом. Неудивительно, что многие цепляются за него, стараясь любыми способами продлить отмеренный им век. Непростительный грех, но их можно было понять.

Жрец со вздохом посмотрел на старческие пятна на тыльной стороне ладони – сморщенная, покрытая коричневыми точками кожа напоминала прошлогоднее яблоко.

- Недолго мне осталось до встречи с Морром, – обратился он к одной из своих пернатых подружек.

И словно бы в подтверждение его словам, солнце нырнуло за горизонт, а прежде ласковый бриз превратился в холодный ветер.

День сменялся ночью; жрец раскидал по земле остатки хлеба и, прихрамывая, побрёл к святилищу.

Ему снились широкие, просторные луга, моря зелени, над которыми величаво проплывали огромные, точно галеры, облака. Вдали, на линии горизонта вытянулся старый забор из известняка. Раззолоченный солнцем лишайник покрывал каждый его дюйм, за исключением только деревянной двери. Когда хранитель приблизился к ней, дубовые доски задрожали от сильных ударов. Звук был оглушительным, словно гром, и монотонным, как погребальный звон. И ещё он пугал старика до дрожи.

Всё же, стиснув зубы, хранитель продолжал шагать к сотрясающейся двери. Через мгновение он уже стоял возле неё. Пальцы обхватили дверную ручку, он потянул на себя. Дверь легко распахнулась, и жрец увидел...

Со сдавленным криком старик разом поднялся и сел на своей койке. Обливаясь потом, он хватал ртом воздух, а его впалая грудь раздувалась, точно кузнечные меха.

Сверкая в темноте широко раскрытыми глазами, жрец положил ладонь на шершавую каменную стену, затем откинул одеяла и свесил ноги с кровати. Половицы были холодными, и по его затуманенным мыслям прокатилось ободряющее ощущение реальности.

С протяжным, дрожащим вздохом старик прогнал последние обрывки сновидения и провёл трясущейся рукой по влажной от пота голове.

Сна не было уже и следа, однако стук не прекратился. Хранитель примерно с минуту просто сидел и слушал, как с диким, обдирающим костяшки пальцев отчаянием кто-то барабанил в дверь. В стуке этом был какой-то бессловесный ужас, будто бы посетитель явился из того кошмара, и на долю секунды хранитель задумался о том, чтобы не открывать вовсе. Впрочем, он прогнал эту малодушную мысль, стоило ей только появиться. Прежде всего он был жрецом Морра и должен был убедиться в том, чтобы умирающий не отошёл в мир иной без отпущения грехов. Спустя шестьдесят лет эта обязанность стала такой же неотъемлемой его частью, как и сами кости.

На дверь обрушился очередной град ударов. Стиснув зубы, старик с трудом поднялся на ноги и, натываясь сослепу на мебель, направился к старой печи.

- Немного терпения, – сказал жрец своему незваному гостю. Он склонился над оставшимися в очаге углями, и его колени щелкнули. – Я разведу огонь.

На мгновение стук прекратился, но затем раздался вновь с удвоенной силой.

- Да погодите! - рявкнул хранитель.

Набрав в грудь воздуха, он подул на угли. Пепел взвился в темноте, будто серый снег и открыл скрывавшиеся под ним тлеющий головни.

- Иду.

Не обращая внимания на внезапное головокружение, жрец снова набрал воздуха и принялся дуть. На этот раз среди останков костра затеплился крохотный язычок пламени, он неприятно резанул привыкшие к темноте глаза старика. Тот вытер слезу и подбросил в огонь немного трута.

Лишь когда пламя уже основательно потрескивало в печи, хранитель повернулся к двери. Уняв острое ощущение дежавю, он заставил себя подойти к входу и поднял засов.

Пальцы обхватили дверную ручку, он потянул её на себя. Дверь легко распахнулась, и жрец увидел...

Не успели несчастные петли протестующе заскрипеть, как дверь с грохотом захлопнулась, и в комнату без предупреждения ворвалось с потоком холодного ночного воздуха нечто громадное и бесформенное, неясно вырисовывающееся в неровном свете печи. Затухающее пламя открыло отвратительного вида груды перьев и меха, из-под которой пронзительно и дико сверкали глаза.

Служитель Мора отпрыгнул назад с ловкостью, которая немало удивила бы его прихожан. Словно не ощущая груза прожитых лет, он проворно схватил стоящую в углу косу и, положив рукоять на костлявое бедро, развернулся, готовый вложить в удар весь свой вес. Однако прежде чем он успел что-либо сделать, чудовище сбросило с головы перепачканную копну перьев и шерсти и коротко поклонилось, коснувшись подбородком груди, как принято у северян.

Жрец увидел, что перед ним стоит человек, и быстро пришёл в себя.

- Проходите, садитесь.

Его голос зазвучал тем заученным смиренным спокойствием, которым он вот уже несколько поколений потчевал скорбящих родственников усопших.

Гость внимательно наблюдал, как жрец ставит косу обратно в угол. Его смертельно бледное лицо под ворохом грязных слипшихся волос и за клоками подпаленной бороды застыло в маске подозрения. Лишь когда гость убедился, что у жреца не было намерений нападать, он решился осмотреть келью. Его взгляд метался по голым стенам, будто бы он только и ждал, что те раздвинутся, и он окажется в ловушке.

- Вот, садитесь у огня, - повторил жрец и поспешил запереть дверь от поднывающего ветра. Однако когда он обернулся, мужчина всё ещё стоял посреди комнаты, настороженно втягивая носом воздух.

Хранитель тоже принялся и тотчас пожалел об этом. Заляпанные грязью лохмотья пришельца источали мерзкий приторно-гнилой запах. Вонь была невероятно сильна и напоминала старику о некоторых его подгнивших подопечных.

Мужчина, верно, спятил, раз жил, не замечая этого смрада, удручённо подумал жрец. Затем осторожно, будто бы пробуя пальцем горячую плиту, он положил руку на плечо безумца и подтолкнул его к табурету.

- Давайте, выпьем, - мягко произнёс хранитель. - А потом расскажете мне, что привело вас сюда.

Немного помедлив, дурно пахнувший незнакомец согласно что-то пробурчал и снял с плеча некий свёрток. Когда гость только появился в келье, жрец принял его за скатанный спальный мешок, но теперь он увидел, что это было оружие.

По крайней мере, предположил. А что ещё это могло быть? Крупный, отполированный до блеска кусок морёной древесины, искусно обработанный, для того чтобы надёжно прижиматься к груди стрелка, по всей видимости, служил когда-то ложем для арбалета. Однако вместо широких арбалетных плеч на конце этого знакомого предмета из-под тряпки торчал ствол из голубоватой стали. Толстый и длинный, не меньше человеческой бедренной кости. Разверстое в беззубой ухмылке жерло опасно поблескивало.

От оружия шёл странный запах. Едкий, серный и достаточно резкий, хотя ему и приходилось пробиваться через вонь пришельца.

- Садитесь, - жрец стянул со своей койки потёртое одеяло и передал его гостю. - Сюда.

- Спасибо, - пробормотал тот.

Голос у путника был резкий, гортанный.

- Эгей, а почему бы и нет? Чего бы не отдохнуть в последние часы своей жизни?

- Действительно, - согласился жрец, изо всех сил стараясь не обращать внимания на тон собеседника. Он хотя бы начал говорить.

Отважившись повернуться к гостю спиной, жрец стал копаться в одиноко стоящем шкафу, не переставая при этом то и дело прислушиваться к поскрипыванию табурета. Наконец, улыбка смягчила строгие черты его лица.

- Ага! Вот и она.

Старик извлёк из шкафа пузатую бутылку из глазурованной глины и пару кружек. Он щедро плеснул в них выпивки, протянул одну гостю и сел на табурет.

- Выпейте, - сказал он.

Пришелец снова что-то благодарно проворчал. Одним глотком он осушил кружку, затем опустил её и принялся вглядываться в собравшиеся на дне капли. Через некоторое время, будто он увидел там что-то, по бледному шраму на щеке сбежала блестящая слеза и затерялась среди его усов.

- Давайте кружку, - жрец налил ещё и подождал, пока гость возьмёт её. - Хорошо, что вам удалось выбраться из ловушки.

Пришелец застыл на долю секунды, так и не коснувшись губами напитка, затем вскочил. Табурет опрокинулся, кружка покатила по столу, в левой руке гостя неожиданно оказался кинжал.

- Что тебе известно?! - рявкнул он, обнажив крепкие жёлтые зубы, и бросился к жрецу.

Тот выдохнул и разжал кулаки. Он примерно секунду смотрел, как огонь выписывает коленца на зеркально гладкой поверхности лезвия, подрагивающего у его подбородка, после чего заставил себя отвести взгляд и посмотреть в дикие глаза своего мучителя.

Безумец, загнанный зверь, подумалось хранителю, хоть в нём и осталась капля сострадания.

- Могу судить лишь о том, что вижу, - заявил он, подбирая слова тщательнее, чем хирург выбирает свой инструмент. - С такими шрамами и оружием не сойти за простого человека. К тому же, вы, судя по всему, джентльмен богатый и удачливый. Одно ваше платье стоит больше, чем я зарабатываю за год.

- Может быть, но...

- И совсем недавно вы попали в неприятности, - поспешно перебил его жрец. - Очевиднее некуда. Станет ли человек, чья осанка и род занятий свидетельствуют о его благородном происхождении, бродить по ночи в драном платье? Вряд ли. Готов спорить, что ещё два дня назад в этих лохмотьях не стыдно было показаться при дворе.

Солдат неуверенно опустил кинжал, а хранитель продолжил развивать мысль.

- А что до ловушки - думаю, разбойнику хватит ума не нарваться на человека с таким оружием? Значит, вы попались в охотничью ловушку. К тому же боёв здесь давно уже не было.

- Не было, значит? - презрительно произнёс мужчина.

Затем с той же внезапностью, с которой она появилась, безумная энергия покинула его. Ярость отхлынула от лица, уступив место следам невероятной усталости. Пришелец спрятал кинжал в ножны, поставил табурет на место и со вздохом сел.

- Прошу простить, - нерешительно пробормотал он и пожал плечами.

- Извинения приняты, - кивнул жрец. Он поднял кружку пришельца и снова наполнил её. - Быть может, вы представитесь.

- Отто ван Делфт, - произнёс гость и гордо выпрямил спину.

Жрец не был удивлён, узнав, что принимает в своей келье одного из подданных императора Карла Франца. Вот откуда у него такие манеры.

- Что привело вас к святилищу? - осторожно спросил он. - Вы здоровы и сильны. Что же хотите вы от Морра?

- Сейчас я вам всё расскажу.

Гость пристально вглядывался в огонь, и пламя расцвечивало его перепачканное лицо дюжиной оттенков света и тени. Он помолчал немного, прислушиваясь к потрескиванию поленьев в печи и к приглушённым стенаниям ветров, осаждающих келью снаружи, затем сделал большой глоток и, наконец, начал рассказывать.

- Что вы знаете о ?

- Ратфольк?

- Да, крысиный народ. Скавены.

Отто оторвал взгляд от огня и увидел, что жрец дрожит, и вряд ли из-за сквозняка, тянувшегося по полу вдоль старых стен.

- Значит, вам известно о них, - невесело улыбнулся солдат. - Ну, конечно, все уже знают.

Жрец только кивнул и налил из бутылки ещё. На этот раз себе.

- Расскажите обо всём, - попросил он и сделал глоток.

- Всю свою жизнь я охочусь на этих тварей. В канализациях, в болотах, в лесах. В катакомбах из кирпича и природного камня. В землях огня, льда и сырости, от которой начинает гнить кожа. И почему же? Потому...

Отто замолчал, неожиданно нахмурил брови, будто ему не понравилось что-то в облике хозяина кельи. Но, кажется, лёгкий кивок жреца заверил его, что всё в порядке.

- Потому что, - тягостно продолжил он, - они часть меня, они частичка всех нас. Они зло, которое мы пытаемся удержать на расстоянии при помощи порядка и дисциплины. И я ненавижу их.

Лежащее в печи полено с треском расколосось и выбросило вверх сноп искр. Мужчины на мгновение отвлеклись на эту внезапную вспышку, и лишь когда пламя угасло, Отто продолжил.

- Репутация. Меня называют - как вы изволили выразиться - джентльменом удачи. Верно. И, как сотни мне подобных, я, как шлюха, торгуюсь за лучшую цену, а затем швыряю деньги на женщин и выпивку. Но в отличие от моих коллег, - с неожиданной энергичностью гость наклонился вперёд, ближе к старику, - я делаю то, за что мне платят и никогда не отступаю. Поверьте, господин жрец, эта работёнка не из лёгких.

Хранитель кивнул.

- Репутация, - фыркнул наёмник, вложив в это слово всё презрение, которое только смог отыскать.

Для пущего эффекта он откашлял небольшой комок мокроты и с поразительной точностью схаркнул в огонь. Слюна зашипела, а гость тем временем продолжил.

- Репутация в нашем деле будет поважнее прочего. Золота я скопил достаточно, но для осуществления того, что я задумал, денег одного человека было мало. Видите ли, ходят слухи об одном городе на юге, о сердце скавенов, колыбели всего их рода. Мне нужен был человек с деньгами. Я хотел набрать достаточно людей, чтобы вычистить эти болота, ударить врага в самое брюхо.

Отто охватило возбуждение, его зрачки сузились в две крохотные точки, и теперь он буквально выплёвывал каждое слово.

- Нужна была ещё одна война. Я был близок к цели. Слыхали о Магдебурге?

- Да, - ответил жрец, - я знал одного торговца оттуда. Он жертвовал деньги на наше святилище.

- Его звали случаем не Готлиб?

- Нет. А что?

- Готлиб был моим нанимателем. Бывший мэр Магдебурга. Жалкий ублюдок.

Отто снова осушил кружку, а хозяин снова подлил ему. «Белое пламя» - так назвал это пойло даритель, как оказалось, неплохо развязывало языки.

- Сорок крон в неделю, - продолжал наёмник, - и по пятьдесят сверху за каждую крысиную шкуру. Деньги за шкуры я оставлял своим ребятам. Так правильной. Ещё Кринваллер забирал свою долю, но немного.

Наёмник фыркнул.

- Кринваллер! Идиот, конечно, но мне он нравился. Да его все любили. Из него вышел бы отличный начальник стражи, добрый и ленивый. А потом Готлиб начал, и вместо хорошего начальника городской стражи сделал из него скверного полковника.

- Раттенкриг - это война со скавенами? - неуверенно предположил жрец.

- Верно. Понимаете, у Готлиба украли дочь. Она, говорят, красавицей была, за исключением родимого пятна в форме клубники на щеке. Не то чтобы в этом дело. Ребёнок есть ребёнок, и в глазах отца всегда будет красив. Однажды ночью она давай плакаться о каких-то тварях, прячущихся у неё в шкафу, а Готлиб решил, что ей просто приснился кошмар. А потом, наутро... В общем, пропала она, остались только скомканные простыни, да разорванная в клочья ночная рубашка. Скавены прогрызли себе тоннель из канализации напрямик наверх, прошли между перекрытий, к задней стенке её шкафа. В комнате повсюду остались их следы.

Ван Делфт замолк и задумчиво поглядел на огонь.

- И вот, Готлиб начал эту кампанию. Он побеждал, ещё до моего приезда. Надо было догадаться, что что-то не так. Ну не может придурок с дюжиной оборванцев забираться в подземелья и каждый раз благополучно возвращаться назад. Такого просто не бывает.

- О, боги, нужно было догадаться. - Лицо ван Делфта сжалось в гримасу боли, и он хлопнул себя ладонью по лбу. - Я должен был.

Жрец, старательно хранивший печальное выражение лица, забеспокоился, не свалится ли наёмник без чувств. Однако, спустя несколько мгновений напряжённого молчания, Отто протяжно и трепетно вздохнул, нехотя отвёл руки от лица и продолжил.

- Нас снабжали очень подробной информацией. Перед каждой вылазкой Готлиб собирал нас и сообщал численность противника, его дислокацию, у нас даже были вот такие карты. Смотрите.

Ван Делфт сунул руку под разорванную полу мундира и вытащил оттуда свёрток. Даже в неровном свете было ясно видно, насколько детально карты были прорисованы. Расчерченные коричневатыми чернилами переходы были аккуратно отделены друг от друга и вдобавок украшены различными сочетаниями штрихов и пунктирных линий. Жрец поднёс одну поближе к огню, чтобы полюбоваться удивительной работой.

- Почему они сделаны из кожи? - спросил он, потирая материал между пальцами.

- Пергамент легко рвётся.

Наёмника внезапно охватила дрожь, и он ещё плотнее закутался в одеяло.

- Я никогда не работал с такой подробной информацией. Обычно, под землёй надеешься только на свои инстинкты, слух, обоняние. Даже страх. Но с этими, - он указал на карты, - там есть масштабы, глубины, всё что нужно. Я должен был догадаться.

- Да о чём же? - неожиданно для себя выпалил жрец и тотчас укорил себя за несдержанность.

Гость заметил это и устало улыбнулся.

- Кажется, этот ваш развязал языки нам обоим.

- Тогда стоит налить ещё. Давайте кружку.

Пока жрец наливал, лицо гостя снова помрачнело. Видимо, его мысли обратились к глубинам прошлого, подумалось старику.

- Вы слышали о варп-камнях? - спросил Отто.

Бульканье в кружке на мгновение прекратилось.

- Когда был моложе... - жрец внезапно замолк. - Да, слышал.

- Стало быть, знаете, насколько они ценятся?

- Для кое-кого - очень ценны.

- Вот и я знаю. А под Магдебургом я видел столько, что хватит купить целый город. Хотя никто в здравом уме не рискнул бы его добывать.

- Поначалу, - продолжил он, - я подумал, что это что-то другое, может быть, плесень или грибы. Я тогда вёл ребят к самым нижним уровням и в первый раз увидел её: длинную, искривлённую жилу, которая проходила по стенам пещеры, словно артерия в теле человека. И свет - зелёный, тошнотворный! Клянусь, он мерцал и пульсировал, будто сердце живого существа. Это свечение, оно делало наши лица...

Отто замолк и уставился невидящими глазами в пустоту, выпивка так и осталась у него в руке.

- Мы стали похожи на демонов, - наконец выговорил он и осушил кружку. - Какие богатства лежали перед нами. На мгновение, на одну секунду я задумался, не это ли ключ к южным землям? Безумная идея, конечно; продавать оружие врагу, чтобы против него же собрать армию - абсурд. Но затем пришла другая мысль. Когда я застрял там, под толщей каменной породы, ничто не отделяло меня от тьмы, кроме света одинокого факела, я понял, что за стая скавенов может владеть такой территорией, и насколько же они должны быть сильны. Будь у меня время, я вернулся бы обратно на поверхность и хорошенько всё обдумал.

- Но у вас не было времени?

Жрец несильно подтолкнул гостя рукой, ибо тот стал уже проваливаться в грёзы.

- Верно. Тогда они впервые напали на нас.

Он молча протянул жрецу кружку, и тот так же молча наполнил её.

- Сначала всё как всегда, особенно под землёй. Наступает такой момент, когда ты понимаешь, что тебе не показалось, и всё, что ты слышишь, реально. Ещё до того, как крысиная вонь ударяет в нос, воздух как будто превращается в жидкость, такую тяжёлую, тягучую, что не продохнуть. Шум тоже всегда одинаков: шуршание шерсти о камень, скрежет когтей, топот лап и писк боли. За несколько секунд до битвы эти мерзкие создания колотят и кусают своих собратьев.

Ван Делфт сплюнул в печь, сверкнувшие под его усами зубы, казалось, были острыми, как у терьера.

- Они ненавидят даже друг друга.

Отто снова замолк, но на этот раз жрец ничего не сказал, только сидел не в силах шевельнуться.

- Впереди всегда идут самые слабые, рабы и пленники. Это жалкие твари, но они до безумия напуганы тем, что позади них - своих сородичей они боятся больше, чем нас. Я чувствовал страх, превращающийся в ужас, и ужас, переходящий в помешательство. Мы подождали ещё немного. Я подумал о ребятах, стоящих за спиной, и попытался почерпнуть немного храбрости от них. Но, кажется, там её не было. Сзади доносилось лишь пыхтение да запах мочи. Если бы страх не парализовал их, я уверен, они бежали бы при первой опасности. Короче, они стояли столбом, пока не стали видны блохи, ползающие по шкурам врагов. Тогда я выстрелил из своей «Гудрун».

Он протянул руку к оружию и любовно пробежал пальцами по стволу до самого затвора.

- И она проделала знатную брешь в их рядах. Хватило одного заряда шрапнели, чтобы атака захлебнулась в фонтане крови.

Ван Делфт ласково улыбнулся и прижал ружьё к груди, словно любимого пса. Жрец задумался, не собирается ли он его погладить.

Так он и сделал.

- О да, как она вгрызалась в них. Вот и всё, что я помню. В той битве Зигмар даровал мне безумие.

Жрецу нетрудно было в это поверить, он кивнул и долго молчал.

- Стая была сильна, как вы и ожидали, так?

- Отнюдь. Никчёмные твари. Половина и так уже хромала от старых болячек. Другие были либо слишком молоды, либо слишком стары и беззубы. Там было даже несколько самок. Единственный, кто на что-то годился, это их предводитель. Он-то был в порядке. - Солдат одобрительно покачал головой. - Огромный зверь, ростом с человека, шкура почти полностью чёрная и повсюду исполосована шрамами. От кончика носа до левого уха была чистая, розовая лоснящаяся кожа, а вместо глаза большой кусок варп-камня. О, как он сверкал, когда мы загнали зверя в угол!

Странная улыбка приподняла усы наёмника. Почти ностальгическая, будто он рассказывал о каком-нибудь случае на охоте или об особенно безумной вечеринке.

- Я сам содрал с него шкуру. Знак клана - горящая лапа - был мне незнаком. Я повалил скавена на землю сетями, проткнул копьём горло, а потом просто стоял и смотрел, как он умирает. Были времена, когда я пошёл бы на него с ножом, но я уже не так молод.

- Действительно, в ваши-то годы... - бесстрастно заметил жрец.

- Побеждает терпеливый, - не замечая иронии, пожал плечами ван Делфт. - Я должен был обратить внимание на слова скавена. Тот минут пять грыз сетку, разбрызгивая повсюду кровь, и всё время визжал что-то о предателях. Мне показалось тогда, что он просто бранится по-своему, но...

Ван Делфт пробежал пальцами по волосам, потом обхватил руками голову и вздохнул, но звук был едва слышен из-за шумящего под ночными ветрами леса.

- Это был первый рейд из дюжины. Карты были верные, сведения о численности всегда совпадали. Ничего опасней отребья, оставшегося от трёх разных кланов, мы не встречали. Слабые, хилые существа, да к тому же на них лежало какое-то огненное проклятье. Оно охватывало их словно чума, оставляя

уцелевшим парализованные конечности и обожжённые шкуры. Мне пришло в голову даже, что они, как будто, сами поубивали друг друга ещё до нашего прихода. Я решил, что предусмотрел всё. Но три ночи назад понял, что это не так.

Смех внезапным резким звуком запрыгал по каменным стенам, заглушив ненадолго шелест беспокойного леса. Жрец, который уже начал догадываться, какая трагедия привела сюда Отто, беспокойно заёрзал на своём табурете.

- Тот рейд не обещал проблем: нужно было просто выжечь несколько выводковых пещер, и я решил передать командование одному из своих капралов. Гюнтер - так его звали. Умный, осторожный, никогда не боялся показать, в чьих руках власть, но и не упивался ею. Из него вышел бы отличный командир.

Брови ван Делфта сошлись, и глубокая морщина печали пробороzdила его лоб. Жрецу подумалось вдруг, была ли у наёмника семья. Скорее всего, нет.

- Гюнтер вёл колонну к точке встречи, - продолжал наёмник. - Солдаты разделились на небольшие группы. Иногда людей трудно заставить держать строй, особенно под землёй - они ищут защиты и жмутся друг к другу. Это всё страх и темнота. Но я видел, что ребята стараются. Они знали, что для Гюнтера это проверка, и хотели, чтобы он прошёл её. На самом деле, одно только это уже показало мне, что он справился.

Солдат взглянул на собеседника и увидел немой вопрос в его глазах.

- Мне нужно было узнать, пойдут ли они за ним. В этом и заключалось испытание. Только за этим мы и спустились туда. Я знал, что в ту ночь никаких стычек не будет. Думал, что знаю.

Ван Делфт понуро пожал плечами.

- В конце концов, к тому времени мы уже вычистили большую часть катакомб. Я понял, что беды не миновать, когда наткнулся на Кринваллера. Мы должны были соединиться с его отрядом, вот только его люди куда-то пропали, как и его одежда и оружие. Его любимое золотистое платье из парчи и шёлка было изодрано в клочья.

Рассказчик рассеяно оглядел собственные лохмотья.

- Чёрт возьми, сначала я даже не узнал его. Подумал, что это какой-то сумасшедший забрался в катакомбы. Но затем он выкрикнул моё имя, и я понял, кто это, хоть никак до конца не мог поверить. Всё добродушие, вся его лёгкая надменность, с которой он общался с нами там, наверху, при свете дня, пропала, разбилась в пух и прах о реальность подземелий. Мне стало жаль его тогда: слабый человек в ужасном месте. Но прежде чем я успел хоть что-то сказать, подбодрить его, враг набросился на нас! И на этот раз - настоящие скавены. Эти двое не чета были тем недоноскам, которых мы гоняли раньше.

- Всего двое? - с сомнением спросил жрец.

- Да, только двое. Маленькие, жилистые скавенские комочки. Если уж на то пошло, они были ещё мельче обычных. Это было заметно даже под чёрными камуфляжными лентами. Но их это не останавливало. Они были полны энергии; знаете, этой маниакальной решимости, которая может прогрызть каменную кладку или согнуть стальные прутья решётки в палате для буйнопомешанных. Я уже видел таких пару раз. Но обычно мельком; просто тень, просто сбегающий по спине холодок.

Ван Делфт поднёс кружку к губам, даже не заметив, что та была пуста. Но жрец не пошевелился, чтобы

наполнить её, он сидел, не двигаясь, как замороженный, с округлившимися глазами, в которых отражался огонь свечи.

- Там, внизу они прятаться не стали. Наверное, отчаяние заставило их забыть об осторожности, а вместе с ней и обо всём, что могло бы их замедлить. Они побросали мечи, ремни с амуницией, сети, ядовитые шары и прочее. Только в лапах поплёскивала сталь. Один Зигмар знает, как Кринваллеру удалось оторваться от них.

- Но только он появился перед нами, они в ту же секунду напали на него. Я стоял так близко, что слышал скрежет ножей о его рёбра. Он упал на одно колено, лицо уже было перекошено от яда. Потянулся ко мне. С каким... удивлением глядел он на меня.

В печке треснуло полено, и сердце жреца ёкнуло. Он мысленно пожурил себя за малодушие и наполнил кружки.

- Я взвёл курок «Гудрун», но убийц и след простыл, они исчезли быстрее, чем крик человека, которому приснился кошмар. Поглядев вниз, я обнаружил, что Кринваллер ещё дышит.

Наёмник нахмурился и сделал глоток.

- Я хотел было прикончить его прямо там. Скавенский яд – очень скверная штука. Из его глаз и ноздрей уже потекли первые капли крови, он корчился на холодном каменном полу, словно выброшенная на причал рыба. Я уже видел такое прежде и знал, что будет только хуже. Я склонился над Кринваллером, приставил нож к ямочке под подбородком, но прежде, чем смог вонзить его, он заговорил.

- Непросто ему было, даже в тусклом свете фонаря я видел, как судорожно сжимаются мышцы шеи, как с каждым словом лёгочная жидкость лезла пеной у него меж зубов.

Жрец поморщился, и, чтобы поскорее выбросить из головы ту картину, что так дьявольски живо нарисовал ван Делфт, спросил:

- Что он сказал?

- Он просил передать Готлибу, что всё было напрасно. Заклинал именем Зигмара не показывать ему карт. Потом он сунул мне в руку этот чёртов свёрток и, судорожно дёрнувшись в последний раз, отошёл в мир иной.

- Сначала я и не понял, что он имеет в виду. Бред, зачинающееся безумие. Затем я снова задумался о том, сколь точными и подробными были отметки на наших картах. Кто изготовил их? Точно не человек. И кто это «она», о которой всё твердил Кринваллер? Не та ли девчонка, из-за которой и вспыхнула эта чёртова война.

Внезапно ван Делфт вскочил на ноги, отпихнул от себя табурет и принялся нервно расхаживать по келье.

- Я должен был сообразить! – воскликнул он. – После стольких лет уловок и ухищрений. Всю жизнь я только и делал, что расставлял засады и продумывал манёвры. Каким умным я мнил себя! И сам же работал на врага. Тогда-то и заявили настоящие хозяева этих подземелий. Мы сами выжили оттуда их конкурентов. Они снабжали нас этими проклятыми картами и использовали нас как оружие против других кланов. Теперь пришёл и наш черёд. К тому времени мы забрались в катакомбы слишком глубоко. Каждые несколько ярдов туннели разветвлялись и, будто кишки, переплетались меж собой.

Коридоров было так много, что даже на такой глубине можно было почувствовать слабый, отдающий плесенью ветерок. Он-то и нашептал нам о надвигающейся гибели, до нас стал доноситься едва слышный шорох, он шёл как будто отовсюду, тихий и беспрестанный, словно далёкий отголосок океана.

- Я помню, как Гюнтер посмотрел на меня, от ужаса его глаза блестели в темноте, и я понял, что пора отходить. Кринваллер мёртв, его патруль уничтожен, наши планы пошли прахом. Незачем нам самим было бросаться в пасть врага. Я послал Гюнтера руководить отступлением, но прежде чем он смог пройти хоть дюжину шагов, на нас напали.

- Скавены бурным потоком извергались из каждого прохода, из каждой расселины и трещинки, из каждой крысиной норы, выходящей в нашу сторону. Я приказал стоять, держать оборону. Думаю, несколько отрядов услышали меня, некоторые даже повиновались. Но большинство просто дали дёру, хотя к тому моменту мне было уже всё равно. В подземельях не до красивых манёвров и тщательно продуманной расстановки. Там нет красивой униформы и далёкого холма, с которого так удобно отдавать приказы. Есть только ярость, ужас и воля к победе.

Ван Делфт рассеянно натянул ударную пружину своего ружья, его зубы сошлись в самой настоящей улыбке. Жрецу трудно было поверить, что перепачканное лицо его собеседника могло расцвести таким мрачным удовлетворением, но ни с чем другим он его спутать не мог - ван Делфту определённо нравилась его работа.

- Заряд моей «Гудрун» прорубился через первую стаю оборванцев, что набросились на нас, - продолжил наёмник, не заметив осуждения на лице собеседника. - Вспышка от выстрела всё ещё застилала мне глаза, но я повёл людей в образовавшуюся брешь. Я рассчитывал вырваться из ловушки, затем развернуться и обрушиться на них с тыла. Но на этот раз дела обстояли гораздо хуже. На этот раз, стоило нам пробиться через первые ряды, мы обнаружили за ними штурмовых крыс.

Порыв ветра, грохоча, пронёсся под дверь и взвил кверху язычок пламени. Наёмник отпустил пружину и задумчиво поглядел на огонь.

- Крупные, чёрные. Зубы - что плотничье долото, а в лапах - копыта с железными наконечниками. Лезвия хоть и облеплены хлопьями запёкшейся крови и ржавчины, но заточены на совесть. Эти крысы были моим людям не по зубам. Стоило одному из чудовищ показаться в свете фонаря, я почувствовал, как стоящие за мной воины дрогнули, я почти слышал, как рушится их самообладание. Раскидав по земле, я ринулся за ними, перескакивая через трупы и отпिनывая от себя руки умирающих. Благослови их, Зигмар, этих несчастных убудков. Если бы скавены не задержались, чтобы поиздеваться над ними, я бы сейчас здесь не сидел.

Ван Делфт поднял кружку кверху, затем сделал порядочный глоток. Хранитель решил, что это тост в честь тех, кто заплатил ужасную цену за свободу своего командира. В том жесте не было чувства вины, лишь своего рода торжество со слезами на глазах.

Морру пришлось бы по нраву.

- Убегать порой бывает чертовски приятно. Я ощутил это наслаждение, обогнав сначала одного беднягу, потом второго. Мы вслепую петляли по лабиринту, шараясь от проходов, в которых засели враги, или пробивая себе путь при помощи оружия, когда не было иного выбора. В темноте мы наткнулись на ещё неостывшие трупы наших товарищей, врывались сослепу в неожиданные отчаянные стычки, и я понимал, что нас гонят, словно овец на убой. Мы зарывались всё глубже и глубже, спускались в пещеры, не отмеченные ни на одной карте. Становилось душно, воздух был таким спёртым, что пламя наших

фонарей начало гаснуть. Под конец к скавенской скотобойне нас вывел лишь пульсирующий зеленоватый свет варп-камня.

- Скотобойня?

Жрец почувствовал, что для этой части рассказа выпивка им понадобится, и наклонился, чтобы налить ещё.

- Да, - пробормотал наёмник, уставившись на мгновение в яркое пламя. - Там была зала, круглая, как в соборе в Киэрмсе. И громадная, быть может, в четверть мили от края до края. Стоило нам войти, как я сразу же понял, что это. По костям. Куда ни глянь, они всюду лежали на полу. Такой большой хрустящий ковёр из костей. Ещё летучие мыши - они порхали между сталактитами, но к ним я не приглядывался - кажется, варп-камень что-то сделал с ними. Что-то отвратительное. Когда последний из уцелевших уткнулся нам в спину, мы пошли через это костяное поле. Вот только идти было некуда. Вход там всего один, и с каждой минутой через него, будто поток сточных вод из канализационной трубы, прибывали всё новые скавены.

- Я подозвал ребят к себе, перезарядил «Гудрун» и, пока мы не отошли слишком далеко, прицелился. Внезапно крысолюды стали сновать в разные стороны, и нашему с «Гудрун» взору предстала огромная толпа крыс. Я ошибочно приписал это их трусости, однако они бежали не от меня, а от тех существ, что приближались к ним сзади. Появившихся чудищ на первый взгляд сложно было принять за скавенов. Во-первых, они были слишком крупные. Ещё их маски: большие, кожаные, с медными рылами и круглыми стеклянными глазницами.

Ван Делфт снова приложился к кружке.

- Затем я заметил, что в лапах первых членов этой диковиной компании поблескивали в свете варп-камня сплетения трубок, и меня охватил ужас, страх чего-то, что было хуже смерти. Я уже видел это оружие. Я припомнил носильщиков, сгорбленных под тяжестью больших просмолённых бочек, в которых плескалась жидкая смерть. Я узнал эти трубки и стальные дула, расширяющиеся в сторону от баков с горючим. И вспомнил ужас и пламя.

Рассказчик вздрогнул и схватил кружку. Он жадно глотал спиртное, затем посмотрел жрецу прямо в глаза.

- Знаю, это прозвучит нелепо, но некоторые скавены научились закручивать огонь в новые ужасающие формы, - немного с вызовом сказал он. - Зелёного цвета, похож скорее на жидкость, чем на простое, честное пламя, что горит у вас в печи. Я видел, как он скачет и течёт, изливаясь из этих адских устройств, словно вода из шланга. Видел, как он пожирает сначала кожу, затем мышцы и, наконец, кость. Как плавит броню и камень, просачиваясь между сочленениями доспехов, чтобы добраться до мягкой плоти. Я видел, как он поглощает людей дюйм за дюймом, и те сходят с ума от страшной боли.

- Там, внизу, когда нас окружили в этом загоне, я понял, что больше не выдержу. Я приложил холодное дуло «Гудрун» к ямочке под подбородком и нажал на спусковой крючок. Заметив это, крысолюды принялись спешно разжигать своё орудие. Один из них вытащил из-под грязных лохмотьев горящую серную спичку и осторожно поднёс её к раструбу. Я надавил на крючок ещё сильнее, но курок остался неподвижен. Из закопченного жерла показался первый дымок, и я жал уже изо всех сил, однако, как бы ни старался, «Гудрун» не думала стрелять.

- Я посмотрел вниз, чтобы проверить затвор, как в этот самый момент, шипя раскалённым воздухом,

мерзкое скавенское орудие ожило. Машина изрыгнула громадный извивающийся поток огня, и тот устремился прямо на меня, прямо на нас. Но конечной точки он так и не достиг. Вместо этого с резким металлическим скрежетом огонь всосался обратно в недра механизма, который его породил. Ей-богу, вам бы слышать, как заверещали при виде этого крысолюды. Некоторые бросились наутёк, но в проходе быстро началась давка, другие начали сбивать пламя лапами, и когда оно перекинулось на них... скажем так, это было просто великолепно.

Ван Делфт улыбнулся жрецу, но, кажется, не заметил, что тот его восторга не разделял.

- Впрочем, тянулось это недолго, - продолжил наёмник. - Когда огонь обернулся против своих хозяев, пещера полыхнула светом и тьмой. Стоит мне закрыть глаза, как я снова вижу эту вспышку. Сотни пастей раскрылись от ужаса, сотни округлившихся глаз сверкали ярко, словно звёзды, люди плавись, как воск. Затем беспокойно зашевелилась сама земля, будто мерзкие твари, ползающие в её недрах, потревожили её, и я услышал грохот валящихся камней. А после... Пустота.

Ван Делфт замолк. Хранитель принялся разглядывать его бледное измождённое лицо. Нездоровый яркий румянец на острых скулах появился не от спиртного. Наёмник был обессилен, вымотан до предела. Но при этом то безумие, что полыхало в его глазах, когда он впервые вошёл в келью, будто бы погасло. Возможно, рассказ и стал лекарством, в котором он так нуждался.

Жрец не раз видел такое. Порой слова изгоняют из человеческой души яд, подобно тому, как пиявкам удаётся высосать заразу из раны.

Старик вылил остатки потина в кружку гостя и позволил себе расслабиться. Он заметил, что рассвет уже начал запускать свои серые пальцы сквозь щели в двери.

- Это случилось два дня назад, может, больше, может, меньше, - неуверенно проговорил ван Делфт. - Насколько я понимаю, из этой бойни живым выбрался я один. Но теперь со мной всё кончено. От репутации не осталось и следа. Мечты похоронены там, вместе с телами моих людей. После Магдебурга никто в этих землях не станет меня нанимать.

- И что вы намерены делать? - осторожно спросил жрец.

- Выполнять контракт. У меня ещё остались деньги на порох, капканы и сети. Я вернусь в город и несколько дней буду отдыхать и отсыпаться. Затем отправлюсь в подземелья. Там, где текут такие реки варп-камня, враг не заставит себя долго ждать.

- Ах, кажется, теперь я понял. Но сейчас исповедовать вас нет никакой возможности. Благословение Морра я могу даровать лишь тем, кто уже находится близ его владений, но вам до них ещё очень далеко. Я просто не могу.

- Нет. Не мне. Им, - сказал ван Делфт, указав на раскиданные по кровати карты. - Им.

- Даже не знаю, - ответил жрец.

Стоило ему подумать, насколько скверно может обернуться эта поисковая экспедиция, как осторожность тут же восставала в его душе против чувства долга.

- К тому же, вы, кажется, упоминали, что тела завалены камнями там, внизу.

Скрип открывающейся двери прервал напряжённые размышления жреца, он поднял глаза и обнаружил, что ван Делфт вышел на улицу. Запахнувшись в мантию, старик последовал за ним, в холодное серое утро.

- Что вы делаете? Оставайтесь здесь, поешьте и передохните.

Возле крытых кладбищенских ворот наёмник обернулся. Внезапно жрецу показалось, что он выглядит немного моложе. Должно быть, из-за утреннего света.

- Нет. У меня есть дело. Как и у вас. А, впрочем, жрец...

- Да?

- Благодарю вас.

Старик смотрел ван Делфту вслед, пока тот не исчез в тумане, потом, поёжившись, вернулся в тёплую келью.

Он подбросил в печь ещё одно полено, поставил табурет на место и заправил постель. Затем собрал оставленные наёмником карты. Столбцы и линии текста, вытатуированные на мягкой коже, остались нетронуты даже после того ада, в котором побывал ван Делфт. Поверхность была отлично смазана и сохранила эластичность. Жрец выбрал одну, положил себе на бедро и разгладил. Квадрат был немного неровный, зато поверхность - гладкая и нежная на ощупь, ничего лучше старик в руках не держал. Он повернулся к двери и принялся рассматривать карту напросвет, поворачивая её из стороны в сторону, чтобы не мешали блуждающие по келье тени.

Поразительно тонкая работа. Однако теперь, при подробном изучении он заметил изъян. В самом углу карты стояла клякса, формой напоминающая клубнику. Жрец взял другую и нашёл ещё один дефект, на этот раз в виде дуги тонких изогнутых волосков, которые золотом переливались в лучах утреннего света. Следующая карта также была подпорчена - в самом центре стояла небольшая метка размером не больше подушечки пальца - маленькое углубление, внутри которого кожа сходилась в воронку.

Хранитель провёл по ней пальцем, раздумывая, что же оно ему напоминает.

Может быть, крохотный розовый бутон?

Нет, не то. Что-то менее хрупкое. Ах, ну, конечно. Точь-в-точь, как рубец от пуповины. Как челове...

Выпивка разом скисла у жреца в желудке, руки его задрожали. Пересиливая себя, старик снова посмотрел на необычайно тонкую кожу.

Пуп, оставшийся на одной из карт, родимое пятно на второй, торчащие из третьей брови... Ван Делфт всё-таки принёс тело для отпевания.

На улице туман сменился мелкой моросью, которая в свою очередь уступила место солнечному свету. Тёплые лучи обогрели окрестные поля, кладбище, каменный алтарь и золотом засверкали на мокрых ивах, подняв в полёт стайки неугомонных воробьёв, которые парили теперь в вышине, радуясь своей беспечной жизни.

Покончив с погребальным обрядом, жрец наблюдал, как птицы рассыпаются по голубому покрывалу

небес, будто крохотные искорки счастья, рождённые тёплыми южными ветрами, которые тихо перешёптывались о чём-то в зелени леса. Старик набрал полную грудь свежего воздуха, в котором почти уже не чувствовался дым от похоронного костра и улыбнулся, увидев, что один из воробьёв, привлечённый куском хлеба, опустился рядом с ним.

- Да, дружок, - проговорил хранитель, когда тот вприпрыжку направился к нему. - Этот мир прекрасен.

Воробей улетел, и жрец недовольно поджал губы. Затем негромко, будто не хотел, чтобы птица услышала его, добавил:

- Порой.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Раттенкриг/_Rattenkrieg_\(рассказ\)&oldid=9268](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Раттенкриг/_Rattenkrieg_(рассказ)&oldid=9268)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 08:36.